

0050

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Люси Гордон

НЕВЕСТА БЫЛА В КРАСНОМ

Погаря себе не могу

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Люси Гордон

Невеста была в красном

«Центрполиграф»

2011

Гордон Л.

Невеста была в красном / Л. Гордон — «Центрполиграф»,
2011 — (Любовный роман – Harlequin)

Пережив предательство, Оливия поклялась никогда больше не влюбляться. Но поездка в Китай, встреча с доктором Лангом Митчеллом и знакомство с древней легендой, передаваемой в его семье из уст в уста, заставили девушку понять – настоящая любовь сильнее всяких бед...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Гордон Люси

Невеста была в красном

Глава 1

– Оливия, скорее! У нас настоящая катастрофа!

Оливия подняла голову и взглянула на Хельму. Она не очень встревожилась, услышав эти слова. Молодая практикантка питала слабость к драматическим эффектам, и вопль «Настоящая катастрофа!» мог означать, что местный кот стянул чей-то обед.

– Снова Джен Донг, – простонала Хельма.

Десятилетний Донг был самым талантливым из учеников Оливии в пекинской школе Чанг-Минг. К тому же он был непревзойденным выдумщиком, причем большинство проделок сходило ему с рук, исключительно благодаря его природному обаянию.

– Что на сей раз? – улыбнулась Оливия. – Пошутил над директрисой?

– Взобрался на дерево.

– Опять? Ну, как залез, так и слезет. Тем более что скоро начинаются послеобеденные занятия.

– Но он слишком высоко. Я боюсь, самому ему не спуститься.

Оливия поспешила в школьный сад. Так и есть. Маленький негодяй выбрал самое высокое дерево и, похоже, ничуть не переживал по поводу случившегося.

– Сможешь спуститься сам? – громко спросила Оливия.

Мальчик рискнул сделать шаг по толстой ветке, но одна его нога заскользила, и он поспешно вернулся в прежнее положение.

– Хорошо, не волнуйся, – спокойно сказала Оливия, чувствуя себя далеко не уверенно. – Мне нужна лестница.

Лестницу тут же принесли, но ее длина оказалась недостаточной – не хватало нескольких футов!

– Все в порядке, – все так же невозмутимо заявила она, вставая на первую ступеньку.

По счастью, на ней были джинсы, поэтому подъем по лестнице не составил большого труда. Однако это самая легкая часть. Сделав глубокий вдох, она поставила ногу на ветку. Та закачалась, однако выдержала ее вес. Оливия подтянулась вверх и еще через пару секунд стояла рядом с Донгом, который приветствовал ее сияющей улыбкой.

– Красивый вид, правда? – на безупречном английском сказал мальчик. – Я люблю лазить по деревьям.

Оливия искоса взглянула на него. В любое другое время она пришла бы в восторг от того, как хорошо Донг говорит на ее родном языке. Он быстрее других ребят усваивал знания. Учительница гордилась им, но в эту минуту ей было не до успехов ученика.

– Я тоже люблю лазить по деревьям, – откликнулась она. – Но еще больше я люблю без происшествий спускаться вниз. Давай-ка попробуем сделать это вместе.

Оливия начала медленно спускаться, заставляя Донга держаться над ней, тогда в случае чего она могла бы подстраховать его. Одна ветка, вторая, третья... Наконец, к несказанному своему облегчению, Оливия достигла верхней ступеньки лестницы.

– Еще чуть-чуть, – задыхаясь, произнесла она. – Еще немного.

Так бы и случилось, если бы в последнюю секунду не подвела лестница. Она вдруг отошла от ствола, и Оливия с Донгом свалились на землю.

Кора больно царапнула ее по коже, но боль тут же была заглушена страхом за Донга.

– Ты не ушибся? – с тревогой спросила Оливия.

Мальчик покачал головой и бодро вскочил на ноги.

– Я в порядке, – объявил он. Его совершенно не беспокоил тот факт, что пару дней, возможно, придется походить с синяками.

Однако Оливия твердо сказала:

– Пойдем к доктору.

Эту фразу услышала прибывшая на место происшествия директриса, весьма здравомыслящая дама.

– Неплохая идея, – согласилась она. – С мальчиком, кажется, все в порядке, но лучше знать наверняка. Клиника в десяти минутах отсюда. Я вызову такси.

Через несколько минут они уже были в пути. Донг выглядел абсолютно здоровым и был весьма доволен исходом своей эскапады.

У кабинета врача им пришлось подождать. Табличка на стене уведомляла, что сегодня прием ведет доктор Ланг Митчелл. Оливия задумалась. Митчелл – фамилия явно западная, а вот имя, похоже, китайское...

Наконец врач освободился.

В кабинете их встретил высокий молодой мужчина. Темноволосый, темноглазый, с европейскими чертами лица. Ему было около тридцати.

– На что жалуетесь? – улыбаясь и окидывая пациентов быстрым внимательным взглядом, спросил он.

– Мисс Дэли залезла на дерево, – не моргнув глазом сообщил Донг. – Мне пришлось помочь ей спуститься на землю, так как она застряла.

Оливия растерялась. Доктор Митчелл понимающе усмехнулся.

– Вероятно, все было наоборот? – предположил он.

– Именно, – обрела наконец дар речи Оливия. – Когда мы спускались с лестницы, она упала, а вместе с ней и мы.

Врач заглянул в бумаги и прочитал:

– Мисс Оливия Дэли, учительница в школе Чанг-Минг.

– Совершенно верно. Джен Донг – один из моих учеников. Думаю, он не пострадал, но все же прошу вас осмотреть его.

– Разумеется.

Тщательно осмотрев Донга, доктор Митчелл сказал:

– На первый взгляд ничего серьезного, но все же следует сделать снимок. Медсестра отведет мальчика.

– Я пойду с ними.

Донг выразительно покачал головой: дескать, он достаточно взрослый и не нуждается в няньке. Когда Донг и медсестра вышли, врач, перейдя на английский язык, предложил:

– Ну что? Обследуем и вас?

– Спасибо, но это лишнее.

– Позвольте мне судить об этом, – мягко произнес доктор Митчелл улыбаясь.

– Прошу прощения, – пробормотала Оливия. – Ничего не могу с собой поделат. Моя тетя говорит, что, если бы мне иногда удавалось держать рот на замке, я могла бы чему-нибудь научиться.

Доктор Митчелл снова улыбнулся, но не ответил. Затем, нахмурившись, он сказал:

– Все же я хочу осмотреть вас, раз уж вы здесь. Боюсь, мне придется попросить вас снять блузку. Поскольку она порвана, подозреваю, что царапины у вас не только на руке. Не беспокойтесь, медсестра сейчас вернется.

Словно услышав его слова, в кабинет вошла молодая улыбающаяся медсестра. Движения врача были быстрыми и уверенными, руки – сильными и теплыми.

Оливия с беспокойством отметила про себя, как остро воспринимает она его прикосновения, поскольку ей пришлось снять скромную блузку с высоким воротником и стоять перед доктором Митчеллом в джинсах и бюстгальтере, который почти не скрывал полную соблазнительную грудь. Все ее бюстгальтеры были куплены с одной целью – продемонстрировать их мужчине, который когда-то был частью ее жизни. Мужчина остался в прошлом, а вот бюстгальтеры сохранились.

Иногда она задумывалась, не стоит ли ей носить более скромное белье, но тут же отвергала эту мысль как святотатственную. Кстати, доктор Митчелл словно не замечал ее грудь. Все правильно. Разве не так – в высшей степени профессионально и скрупулезно – должен осматривать пациентку врач, даже если это красивая женщина? Однако его прикосновения будоражили.

– Будет немного жечь, – предупредил доктор, протирая ее ссадины тампоном, смоченным спиртом. – Его взгляд задержался на ее лице. – С вами все в порядке?

– Да, я...

– Вы вздрогнули. Потерпите еще немного.

Оливия со смятением отметила, что голос ее прерывается. Оставалось надеяться, что доктор Митчелл не догадается об истинной причине, а также не заметит пульсирующую жилку на ее шее.

– Вы были совершенно правы, ничего серьезного, – подвел итог врач. – Но мы все же сделаем небольшую перевязку.

Медсестра наложила повязку, помогла Оливии надеть испорченную блузку и ушла. Митчелл вернулся за свой стол.

– Как вы доберетесь домой? – поинтересовался он.

– Вид у меня не совсем благопристойный, верно? – рассмеялась Оливия. – Но я могу исправить положение. – Она вытащила из сумки легкий шарфик и прикрыла им прореху на блузке. – А домой поеду на такси, как только буду знать, что с Донгом все в порядке.

– Не волнуйтесь за него. Он очень крепкий мальчик.

– Это точно, – согласилась Оливия со смехом. Ее голос слегка дрожал. – Самый большой непоседа в школе. Ничто не в силах остановить его, если он что-нибудь задумает. Конечно, самое высокое дерево во дворе привлекло его внимание.

– Не вижу в этом ничего плохого, – заметил доктор Митчелл. – За исключением, может быть, того, что такие сорванцы, как правило, ничуть не страдают от своих проделок. Страдают другие. Знаю это по собственному опыту, потому как сам был таким же. Хотя Донг меня явно превзошел. Я тоже приводил в отчаяние своих учителей, но им не приходилось рисковать из-за меня жизнью.

– Если бы он серьезно пострадал, мне не было бы прощения!

– Но он приземлился точнехонько на вас.

– Пустяки, – вздохнула Оливия. – Не так-то просто меня покалечить. Главное, что все обошлось. – Она посмотрела на часы. – Нам нужно поскорее вернуться, пока его родители не стали волноваться.

– Как насчет вас? – поинтересовался врач. – Кто приглядит за вами, когда вы вернетесь домой?

– Только я сама, – покачала головой девушка. – Но я в состоянии позаботиться о себе.

Помолчав, доктор Митчелл произнес:

– Думаю, вы не совсем правы.

– Почему?

– Порой хорошо, если рядом кто-то есть.

– Вот и я! – раздался веселый голос. В кабинет вошел Донг в сопровождении медсестры. Как и ожидалось, снимок не выявил никаких внутренних повреждений.

– Приходите снова, если заметите, что Донг не совсем хорошо себя чувствует, – напутствовал ее доктор Митчелл. – Хотя я уверен на сто процентов, что с ним полный порядок.

Ланг проводил их до двери. Затем он автоматически потянулся к звонку, но передумал. Ему требуется короткая передышка, прежде чем он пригласит в кабинет очередного пациента.

Ланг подошел к окну. Его кабинет находился на втором этаже. Прямо за окном расцветали вишни. Стояла весна.

В Китае цветки вишни символизировали женскую красоту – нежные, таящие в себе надежду и обещание. Как хорошо, что холодная зима осталась позади и скоро забурлит новая жизнь, даря всем радость бытия...

На первый взгляд ничего особенного не произошло.

Оливия Дэли – независимая, уверенная в себе молодая женщина, которая больше заботится о других, нежели о себе. Должно быть, ему просто показалось, что под маской уверенности он ощутил нечто затаенное, какую-то уязвимость, наталкивающую на мысль, что ей требуется помощь.

Он вспомнил интонацию, с которой она произнесла: «Не так-то просто меня покалечить». Почему-то эти слова не давали ему покоя.

Неужели Оливия искренне верит, что она абсолютно неуязвима? О себе Ланг такого сказать не мог.

Они провели вместе несколько минут, но даже этого оказалось достаточно. Он не сомневался, что в душе Оливия ощущает пустоту. И также не сомневался, что она восприняла его прикосновения не как пациентка, а как женщина.

Оливия отличалась от других женщин. Разум предупреждал, что не стоит выяснять, в чем именно заключается ее непохожесть. Однако Ланг не собирался прислушиваться к себе и был готов приблизиться к огоньку, который неожиданно возник на его пути.

Этот свет был неровный, неяркий. Он мог обещать все, а мог – ничего, однако манил Ланга.

– Все в порядке? – спросила медсестра, заглянув в кабинет. – Вы не позвонили.

– Прошу прощения, – пробормотал он. – Я задумался.

Заметив, что он смотрит в окно, медсестра улыбнулась:

– Как прекрасно на улице весной, правда?

– Да, прекрасно, – вздохнул Ланг.

Когда они вернулись в школу, Донга уже ждала мать. Мальчик энергично помахал ей рукой, и она немедленно успокоилась.

– Не хотите завтра взять выходной? – предложила Оливии директриса, миссис Ву, когда они наконец остались вдвоем.

– Спасибо, думаю, он мне не нужен.

– Смотрите. Я не хочу потерять одну из своих самых лучших преподавательниц.

Миссис Ву с легким беспокойством наблюдала за тем, как Оливия уезжает на велосипеде домой.

Оливия поселилась в этой квартире шесть месяцев назад, как только прибыла в Пекин. Тогда она, растерянная, бежала из Англии и была бесконечно рада окунуться в другую жизнь, познакомиться с новой культурой. Это не оставляло ей времени думать о грустном. Сейчас она более или менее привыкла, но по-прежнему с радостью встречала каждый день и приветствовала новые открытия, которые он приносил.

Войдя в квартиру, Оливия выпила большую чашку чая, включила компьютер и запустила программу видеобщения с тетей Норой, пожилой родственницей, оставшейся в Англии.

Разница во времени между Пекином и Лондоном составляла восемь часов, и сейчас в Лондоне было раннее утро, но Оливия знала, что тетя Нора готова поговорить с ней в любое время суток.

Так и оказалось. Они улынулись друг другу.

По возрасту тетя Нора годилась Оливии в бабушки, но ее глаза, как и в юности, смотрели живо и весело, она словно излучала оптимизм. Девушка всегда находила у тети поддержку и знала, что может рассчитывать на ее совет и помощь, в отличие от остальных членов своей семьи, заикленных только на себе.

– Извини, что так рано. – Оливия замялась. – В школе кое-что произошло. – Она в двух словах описала последние события.

– Врач сказал, что с тобой все в порядке?

– Так и есть. Завтра утром буду как огурчик.

– Ты с кем-нибудь встречаешься?

– Ты задаешь мне один и тот же вопрос третий день подряд.

– Ты красивая девушка и должна наслаждаться жизнью.

– Я и наслаждаюсь. И я ходила на свидания, но пока не хочу серьезных отношений. Расскажи-ка лучше о себе. Ты хорошо спишь?

За этим вопросом крылось больше, чем простое желание сменить тему разговора. Норе было за семьдесят. Именно по этой причине Оливия колебалась, стоит ли ей ехать в Китай. Она боялась, что, вернувшись в Англию, она может не застать тетю в живых. Нора убедила племянницу, что здоровье у нее просто отличное, и уговорила лететь в Пекин.

– Не смей отказываться от свиданий из-за меня, – заявила тетя Нора.

– Я всего лишь пытаюсь быть благоразумной, – слабо защищалась Оливия.

– Благоразумной? Для этого у тебя будет достаточно времени в будущем. А пока не сиди дома, испытай все, что только можно, и забудь человека, который тебя не достоин. – Нора так и не смогла простить мужчину, разбившего сердце Оливии. – Да, сплю я хорошо, – ответила наконец тетя на последний вопрос. – Вчерашний вечер я провела с твоей матерью, выслушивая жалобы насчет ее нынешнего... После этого я мгновенно уснула.

– Разве она не твердила, что Гай – самый лучший любовник на свете?

– Не Гай. Фредди. С Гаем она уже порвала... Или он порвал с ней? Я и забыла.

Оливия покорно вздохнула:

– Я позвоню ей и посочувствую.

– Только не слишком жалей ее, не то будет хуже, – тотчас же предупредила Нора. – У твоей матери ума нет – я не раз об этом говорила. Хотя, конечно, она не так уж и виновата. Спрашивать нужно с ее матери и для начала поинтересоваться, с чего это ей взбрело в голову назвать дочь Мелисандой? Вот та и вообразила себя героиней романа.

– Ты считаешь, что, если бы бабушка назвала ее каким-нибудь простеньким именем, она не сбежала бы в свое время из дома?

– Возможно, и нет, хотя вряд ли имя тут помогло бы. Она не способна думать ни о ком, кроме себя. Впрочем, как и твой отец. Последний слух, который до меня дошел, – твой отец снова собирается стать папашей.

– Неужели?

– Да. И похоже, он безумно гордится этим. Забудь о нем. На такого дурака жалко терять время.

Оливия была согласна с оценкой Норы.

Они еще немного поболтали, затем тепло распрощались. После этого Оливия съела легкий ужин и отправилась спать.

Заснуть сразу ей не удалось. Каким-то непостижимым образом доктор Митчелл завладел ее мыслями.

В его глазах Оливия увидела понимание, словно он догадался о том, что ей часто приходится бросаться на помощь другим.

Сколько Оливия себя помнила, она всегда оставалась опорой семьи. Брак ее родителей был катастрофой. Они поженились молодыми, в порыве страсти, но проза жизни быстро лишила их иллюзий, и они поспешно развелись. После этого мать несколько раз выходила замуж и разводилась, а сейчас постоянно меняла любовников. Отец Оливии сразу отдал предпочтение свободным отношениям.

Родители передавали дочь друг другу, как эстафетную палочку, в зависимости от того, кто из них в данное время считал, что Оливия ему нужна. Они шумно и неискренне выражали свои чувства к ней, на дни рождения и Рождество она получала подарки один дороже другого, но довольно быстро поняла, что отец и мать всего лишь соперничают между собой.

– Посмотрим, что скажет на это твой отец, – заявляла мать, гордо демонстрируя дочери ноутбук новейшей модели. И в то же время у нее всегда находились важные дела, не позволяющие прийти на школьный спектакль. Это говорило о многом.

Единственным человеком, который посещал школьные мероприятия, была Нора, тетя ее отца. Когда родители Оливии были слишком заняты собой, она подолгу жила у Норы, пока кто-нибудь из них не вспоминал о существовании дочери.

Оливия обнаружила, что с Норой можно говорить и спорить о чем угодно. И наконец, что самое важное, она поощряла девочку выражать собственные мысли – до этого Оливия даже не подозревала, что они у нее есть, так как желания матери и отца всегда стояли на первом месте.

В доме Норы для нее всегда была готова спальня, в которую она переехала насовсем, когда ей исполнилось шестнадцать.

– Как пара подростков, которые, к несчастью, являются твоими родителями, восприняла эту новость? – поинтересовалась тогда Нора.

– Я даже не уверена, поняли ли они что-то, – призналась Оливия. – Он думает, что я с ней. Она думает, что я у него. Какая разница? – пожала плечами девочка.

Как-то ее мать неуверенно спросила:

– Ты думаешь, это хорошая идея? Нора немного, – она понизила голос, словно раскрывая страшную тайну, – консерваторша.

Оливия хотела сказать, что не возражала бы, если бы кто-нибудь из них хоть немного обладал этим качеством, но вместо этого заверила мать, что у нее все в полном порядке. Мелисанда успокоилась, тема была закрыта.

Перед самым отъездом мать взмолилась:

– Пожалуйста, не называй меня мамой при посторонних. Это звучит так, словно мне уже за сорок, а не тридцать один.

– Разве не тридцать три? – нахмурилась Оливия. – Я ведь родилась, когда тебе было...

– Дорогая, не придирайся к словам. Тем более что мне нельзя дать больше двадцати пяти, как утверждают многие. Договорились?

– Конечно, – согласилась Оливия, горько вздохнув, чего мать не заметила.

– Спасибо, дорогая! – просияла Мелисанда. – Можешь называть меня Мелли.

– Хорошо, мам.

Мелисанда сердито взглянула на дочь, но в этот раз у нее хватило благоразумия промолчать.

В тот же вечер Оливия передала Норе этот разговор. Та возмутилась:

– Немного консерваторша?! Она, конечно, хотела сказать, что меня не мотает по миру, как листок на ветру?

– Думаю, она имела в виду, что ты не знаешь, что такое любовь.

Нора промолчала. Оливия настойчиво спросила:

– Но ведь она не права?

Тогда Оливия впервые услышала об Эдварде, который давно умер, однако успел разжечь пожар в сердце любившей его девушки. Позже, когда Оливия подросла, Нора сообщила ей и остальные детали.

Норе было восемнадцать лет, когда она познакомилась с Эдвардом, девятнадцатилетним офицером. Вскоре они объявили о своей помолвке, а в двадцать лет он погиб. Больше Нора никого не смогла полюбить.

Эта история потрясла Оливию. Позже, сравнивая историю Норы с жизнью своих отца и матери, она пришла в ужас.

А потом Оливия на себе узнала, что такое несчастливая любовь. Она-то думала, что защищена от глубоких чувств цинизмом, которым была обязана своим родителям. В юности Оливия намеренно избегала встреч с парнями, гордясь тем, что в результате этого сердце ее не было разбито. Но отсутствие опыта обернулось против нее, когда она познакомилась с Энди. Она не заметила в нем того, что насторожило бы любую другую девушку, а потому его предательство оставило глубокую рану в ее душе.

Тогда-то Оливия и сбежала в Китай, поклявшись себе никогда не совершать подобную ошибку. Она дала себе зарок: мужчины для нее больше не существуют. Любовь также не существует, это все романтические бредни. Теперь ей точно ничто не угрожает.

Наконец Оливия уснула. Однако сон ее был беспокойным. Девушку бросало то в жар, то в холод, кровь все быстрее струилась по жилам, а в груди гулко билось сердце. Она внезапно проснулась и столь же внезапно поняла: уверенность в том, что ей ничто не грозит – очередная иллюзия.

Глава 2

Утром следующего дня Оливия проснулась в подавленном состоянии. Отражение в зеркале не улучшило ее настроения. Куда подевалась живая девушка, которой немногим больше двадцати лет, со стройной фигурой, густыми волосами цвета меда и большими, выразительными, голубыми глазами?

– Думаю, она никогда не существовала, – хмуро сообщила Оливия своему отражению. – Сейчас реальность – это ты.

Неужели она так и не пришла в себя после предательства Энди? Оливия тут же отвергла эту мысль.

– Ну и старуха, – пробормотала она. – Я выгляжу старше своих лет. И, по-моему, я чересчур похудела. А волосы вообще неизвестно на что похожи. Такое ощущение, что они с минуту на минуту поседеют.

Оливия уложила волосы в аккуратный пучок, хотя обычно оставляла их распущенными, и они лежали на плечах мягкими волнами.

Плохо начавшийся день тянулся и тянулся. Дети вели себя прекрасно, внимая каждому слову, обед был вкусный, ее друзья и коллеги по работе спрашивали, как она себя чувствует. Миссис Ву даже попыталась отослать Оливию домой.

– Это последствия вчерашнего падения, – заявила она. – Идите и отдохните.

– Лучше поговорите с Донгом, – попросила Оливия. – И убедите его не лазить по деревьям.

– Хорошо, – уступила миссис Ву. – Но если надумаете уйти пораньше, я не возражаю.

Когда рабочий день подошел к концу, Оливия чувствовала себя просто отвратительно. Ей хотелось поскорее оказаться дома, но вместе с тем мысль об одиночестве нагоняла на нее еще большую тоску. Она вышла из здания школы – почему-то воспользовавшись боковым выходом, – и замерла как вкопанная, увидев доктора Митчелла.

И почему-то в эту минуту пришла уверенность в том, что рано или поздно они должны были снова встретиться.

Митчелл устроился рядом с главным входом, то и дело поглядывая на дверь, будто ожидал кого-то.

Оливия пятилась до тех пор, пока не очутилась в тени деревьев. Глядя оттуда на него, она отметила, что сегодня, вне стен клиники, доктор Ланг Митчелл выглядит несколько по-другому: высокий, не такой мускулистый, скорее поджарый. Он был небрежно элегантен, но, кроме выдержки и уверенности, в нем ощущалось легкое беспокойство.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – спросила Оливия, покинув свое укрытие и направляясь к нему.

Лицо доктора Митчелла сразу просветлело, немедленно стало ясно, что ждал он именно ее. Удивительно, но и у Оливии сразу стало как-то светлее на душе.

– Я подумал, не стоит ли мне провести своих вчерашних пациентов, – сказал он, шагая ей навстречу.

– Вы устаиваете подобной чести всех своих больных? – улыбнулась Оливия.

Глаза его вспыхнули озорством.

– Только вас, – признался он.

– Надо же! Благодарю. Донг уже дома, и у него все хорошо.

– Как насчет вас?

– О, всего несколько царапин, о которых уже позаботился отличный врач.

Ланг склонил голову набок:

– Тем не менее я хотел убедиться собственными глазами, что с вами все в порядке.

– Конечно. – Оливия сделала шаг назад, приглашая его зайти в школу, но он покачал головой:

– У меня есть идея получше. Здесь неподалеку есть очень уютный ресторанчик.

Ланг словно спрашивал, не слишком ли он торопит события, и Оливия поспешила согласиться:

– Мысль просто чудесная.

– Моя машина здесь, недалеко.

К удовольствию Оливии, ресторан, к которому они подъехали, был типично китайским. Многие кварталы Пекина уже ничем не отличались от современных деловых центров Европы, но девушка полюбила истинно китайскую архитектуру, старые здания со ступенчатыми крышами, загнутыми кверху. Ресторанчик располагался как раз в таком строении. Его крыша была подсвечена разноцветными огнями.

Радовалась Оливия недолго, так как и этот, а затем и следующий ресторан, куда привез ее Ланг, были переполнены.

– Может, нам стоит...

Его речь заглушил чей-то радостный вопль. Обернувшись, они увидели молодого человека. Он стоял рядом с боковой улочкой, махая им рукой. Как только парень понял, что его заметили, он тут же скрылся, причем ни разу не обернулся, чтобы убедиться, следуют ли они за ним.

– Нас застукали, – печально произнес спутник Оливии. – Придется идти в «Танцующий дракон».

– Это плохой ресторан?

– Самый лучший. Но пойдемте. Потом я все объясню.

Они мгновенно нашли «Танцующий дракон»: нарисованные на стенах драконы подмигивали прохожим. Внутри он оказался не очень большим, оживленным, ярко освещенным и также переполненным.

– У них же нет свободных столиков, – пробормотала Оливия.

– Напрасно тревожитесь. Они всегда держат один для меня.

Почти сразу Оливия снова увидела молодого парня с улицы. Он жестом попросил следовать за ним, приведя их к небольшому столику в углу, практически скрытому от любопытных взглядов. Должно быть, этот столик был предназначен для влюбленных. Ланг, очевидно, подумал о том же, так как он негромко и невнятно пробормотал, обращаясь к парню:

– Неужели необходимо быть таким прямолинейным?

– Почему нет? – искренне удивился тот. – Разве не за этим столиком ты всегда сидишь?

Оливия опустилась на стул, ощущая, что настроение ее улучшается. В ней даже проснулось любопытство: похоже, доктор Митчелл – личность незаурядная.

В ресторане было очень уютно. Китайские фонарики испускали мягкий красный свет, со стен на нее смотрели драконы. Оливии они очень понравились. Именно с драконов началось ее знакомство с неизвестной доселе культурой. Она полюбила их еще больше, когда узнала, что они символизируют.

Китайские драконы считались предвестниками счастья, богатства, мудрости, хорошего урожая. Здесь они встречались на каждом углу, без них не обходилось ни одно торжественное событие. Они всегда распространяли вокруг себя согревающий огонь и приносили счастье.

Может быть, оттого, что сейчас со стен на Оливию смотрели эти существа с добрыми лукавыми глазами, у нее и поднялось настроение? Никакой другой причины она не видела.

Глядя на дракона, изображенного в углу зеркала, Оливия поймала свое собственное отражение и только тогда вспомнила про строгий пучок, в который она уложила волосы. Прическа совсем не отражала ее нынешнего состояния. Не задумываясь, Оливия выдернула все шпильки, и локоны мягко упали ей на плечи.

Дракон как будто подмигнул девушке.

Пока доктор Митчелл был занят разговором с официантом, Оливия вспомнила, что ей нужно сделать не откладывая, – предупредить Нору. Она вытащила мобильный телефон и через несколько секунд услышала в трубке голос тети.

– Звоню, чтобы предупредить, что я еще не дома и не знаю, когда смогу выйти на связь.

– Неужели? Наконец-то! – тотчас же откликнулась Нора. Именно эти слова и ожидала услышать от нее Оливия. – Тебе следует как можно чаще бывать где-нибудь, а не терять времени на болтовню со мной.

– Я не теряю времени, – возразила Оливия. – Мне нравится с тобой разговаривать, и ты это знаешь.

– Знаю, но все равно считаю, что следует подумать и о себе тоже. Не спеши никуда. Спокойной ночи, дорогая.

– Спасибо, Нора, – с нежностью произнесла Оливия.

Она подняла глаза и наткнулась на изучающий взгляд доктора Митчелла. Брови его были слегка нахмурены.

– Я доставил какие-то проблемы? – негромко спросил Ланг. – В вашей жизни есть кто-то, – он помолчал, – кто возражает против того, чтобы вы со мной встречались?

– Да нет же! – рассмеялась Оливия. – Я говорила со своей пожилой родственницей в Англии.

– Тогда я рад, – улыбнулся доктор Митчелл.

В эту минуту Оливия поняла, что она тоже рада. Скучный, тоскливый день был забыт.

– Доктор Митчелл...

– Зовите меня Ланг.

– Хорошо. Тогда для вас я – Оливия.

Появился официант и налил им чаю. Когда Оливия поблагодарила его традиционным жестом, легонько стукнув тремя пальцами по столу, он удивленно и радостно улыбнулся.

– Иностранцы обычно так не поступают, – объяснил ей Ланг реакцию официанта.

– А мне этот жест нравится, – заявила Оливия. – А еще мне нравится рассказ о том, как однажды император с несколькими своими друзьями отправился инкогнито в чайную, приказав не выдавать его, падая перед ним на колени. Вместо этого они должны были стучать пальцами по столу. Чудесно, живя в чужой стране, перенимать местные обычаи.

Подали блюда. Ланг смотрел, как она управляется с палочками, приступая к рису.

– Вы действительно знаете, как ими пользоваться, – заметил он. – Сколько вы прожили в Китае?

Ланг перешел на китайский. Оливия ответила ему на том же языке.

– Около шести месяцев, – сообщила она. – До этого я почти все время жила в Англии.

– Почти все время?

– Я не упускала шанса попутешествовать, чтобы улучшить свои языковые познания. Языки – единственное, что дается мне легко.

– И сколько языков вы уже знаете?

– Французский, немецкий, итальянский, испанский...

– Эй-эй, – остановил ее Ланг. – Я уже и так потрясен. Но почему еще китайский?

– Исключительно ради хвастовства, – рассмеялась Оливия. – Я слышала, что он невероятно сложен, поэтому и решила выучить его, чтобы доказать, что способна на многое. И доказала!

– Это точно, – с восхищением признал он, снова переходя на английский. – И что-то мне подсказывает, что китайский язык не показался вам таким уж трудным.

– Вообще-то показался. – Девушка лукаво улыбнулась. – Но об этом никто не знает. Так что вы первый, кому известен этот мой секрет.

– Обещаю, все останется между нами, – торжественно проговорил Ланг. – Если не сдержу слова, можете никогда со мной не разговаривать.

Они оба ощущали некую странную связь, возникшую между ними еще в кабинете Ланга и побудившую Оливию подойти сегодня к нему у школы.

Ей вспомнилась минувшая ночь, тревожные сны, в конце концов разбудившие ее. Она не сомневалась, что нечто подобное происходило и с Лангом.

Что их ждет – несколько встреч или что-то более серьезное, – покажет время.

– Итак, вы приехали в Китай, чтобы как следует выучить китайский язык? – предположил Ланг, однако по его интонации было ясно, что он не считает это единственной причиной.

– Частично. Ну а еще мне нужно было ненадолго исчезнуть из Англии.

Ланг сразу же все понял:

– Он оказался негодяем?

– Раньше я в этом не сомневалась, но сейчас считаю, что все к лучшему. Из-за этого человека я чуть не забыла свое основное правило.

– Основное правило, – задумчиво протянул он. В его глазах вспыхнули смешинки. – Ну-ка, позвольте мне догадаться, что это может означать. Все постигается на собственном опыте?

Оливия кивнула:

– А также будь осторожна в отношениях с людьми...

– А главное – с мужчинами.

– Как вы догадались?

– Ну, догадаться не так сложно. Однако меня больше интересует вот что: ваше правило относится ко всем мужчинам?

– Трудно сказать. Мужчины, конечно, виноваты, но и женщин совсем уж невинными жертвами назвать нельзя.

– Такие серьезные темы, – улыбнулся Ланг, – лучше обсуждать на сытый желудок.

Оливия засмеялась.

– Мои родители – неисправимые романтики, – продолжила она. – Но вы даже представить себе не можете, какое это несчастье – быть дочерью таких людей.

– Согласен. Романтика – для молодых. Родителям полагается быть здравомыслящими и заботливыми, а тешить себя романтическими иллюзиями должны их дети.

– Именно так! – воскликнула Оливия, радуясь, что Ланг ее понял. – У них была любовь с первого взгляда, затем головокружительный роман, который закончился катастрофой.

Ланг внимательно слушал Оливию и одновременно размышлял, что же в ее словах вызвало у него тревогу.

– Сколько им было лет? – спросил он.

– Маме – семнадцать, папе – восемнадцать. Сначала никто не придавал этому большого значения. Подобная увлеченность свойственна всем молодым людям. Но когда они объявили, что собираются пожениться, родители сказали им «нет». Все кончилось тем, что они сбежали и поженились.

– Да, необыкновенно романтично, – заметил Ланг. – Пока, разумеется, они не были сброшены с небес на землю. Ему пришлось искать работу, а у нее на руках оказался плачущий младенец.

– По словам моей матери, я постоянно орала без всякой видимой причины.

– Дети очень многое чувствуют. Возможно, ты ощущала ее недовольство по поводу того, что она вынуждена нянчиться с тобой, не имея возможности наслаждаться жизнью. А твой отец, скорее всего, винил твою мать в загубленной карьере, так как, я уверен, в колледж он так и не поступил.

Оливия уставилась на Ланга, пораженная его интуицией.

– Так все и было. По крайней мере Нора в этом не сомневается. Я, естественно, ничего не помню, за исключением того, что они много и часто друг на друга кричали. Но это были еще цветочки, так как позже оба стали гулять на стороне. В итоге все закончилось разводом, а я обнаружила, что у меня нет дома. Я жила то у матери, то у отца, но всегда чувствовала себя гостьей. Когда у них появлялись новые пассии, я переезжала к Норе. Когда очередной роман матери заканчивался, она рыдала у меня на плече.

– То есть ты на время менялась с ней местами.

– Да, наверное. Тогда я и решила, что, поскольку романы причиняют сердечную боль, лучше ни с кем не встречаться.

– Неужели все было так плохо? Может, среди твоих родственников был кто-то, способный объяснить тебе, какой бывает истинная любовь? Например, ты часто упоминала Нору.

– О, она полная им противоположность. Ее жених умер совсем молодым, и после этого она так и не вышла замуж. Тетя говорила мне, что вполне счастлива. По ее мнению, если ты по-настоящему кого-то любил, ты не в силах найти замену этому человеку. Она утверждает, что, не выйдя замуж, как бы продолжает оставаться с любимым.

– И ты этого не одобряешь? – слегка нахмурился Ланг.

– Нет, почему же. На словах все прекрасно. Но суть в том, что с тех пор Нора одинока.

– Однако она довольна своей жизнью. Что, если именно в одиночестве и преданности своему возлюбленному она черпает силы?

– Конечно, ты прав, но... – Оливия вздохнула. – Просто я не такая, как тетя. Мне было бы мало одних воспоминаний.

– А как насчет того паразита? Он не заставил тебя изменить точку зрения?

Оливия смутилась.

– Думаю, вначале я немножко растерялась, – в конце концов признала она. – Но теперь это уже не важно. Я стала мудрее.

Оливия говорила, небрежно пожимая плечами и улыбаясь, но Ланг не купился на эту показную бодрость. Он чувствовал, что все не так просто.

...Она была ослеплена Энди с первой же секунды. Умный, обаятельный, привлекательный, он настойчиво и красиво ухаживал за ней, заставив ее отказаться от своих представлений о жизни. Тогда Оливия впервые начала понимать странную верность Норы мужчине, которого уже не было в живых. Она даже частично начала понимать, почему так часто влюбляется ее мать.

И вот когда она уже была готова отказаться от своих жизненных правил, Энди объявил, что помолвлен с другой. И добавил, что они провели вместе несколько чудесных месяцев, но теперь пора снова становиться реалистами.

Последовавшие за этим долгие, горькие, одинокие ночи только доказали Оливии правоту ее прежних установок. Любовь – для тех, кто не в своем уме. То есть не для нее...

– Расскажи мне о себе, – попросила Оливия, решив сменить тему. – Ты ведь тоже англичанин. Что привело тебя сюда?

– Я англичанин на три четверти. Еще на четверть я китаец.

– Вот как, – медленно протянула она.

– Ты что-то подобное предполагала?

– Я догадывалась. Черты лица у тебя европейские, твой английский безупречен, но все же ты не совсем европеец. В тебе есть что-то такое, чему я затрудняюсь дать название.

Ланг, казалось, был вполне удовлетворен ее объяснением.

– Это «что-то такое» – моя сущность. Я родился и вырос в Лондоне, но даже в детстве чувствовал, что отличаюсь от остальных детей. Моя мать англичанка, отец наполовину китаец. Он умер вскоре после того, как я появился на свет. Позже моя мать вышла замуж за англичанина, воспитывавшего двоих детей от прежнего брака.

– Он оказался не очень хорошим отчимом? – поинтересовалась Оливия.

– Да нет, приличный парень. Я прекрасно ладил и с ним, и с его детьми, но мы все знали, что я немножечко другой. Однако мне повезло. Моя бабушка покинула Китай и вышла замуж за моего деда. До замужества ее звали Ланг Мейуи. Это была потрясающая женщина. Она ничего не знала об Англии, не знала языка, Джон Митчелл не говорил по-китайски, но каким-то образом им удалось сблизиться. Возможно, потому, что они полюбили друг друга, а тем, кто любит по-настоящему, слова не нужны.

– Думаю, в Лондоне ей пришлось несладко, – задумчиво сказала Оливия.

– Уверен, ты права, но бабушка была сильной женщиной. В конце концов она выучила язык и стала говорить по-английски очень даже неплохо. Она приспособилась к жизни в стране, которая, наверное, так и осталась для нее чужой. Не сломила ее и смерть мужа десять лет спустя. Она одна воспитала сына и настояла на том, чтобы его звали Ланг – хотя бы так бабушка надеялась сохранить китайские корни. Когда родился я, она заставила моего отца назвать меня также Лангом.

Мой отец умер рано, мне было всего восемь лет. Мама повторно вышла замуж, а Мейуи переехала в небольшой домик на соседней улице, чтобы быть как можно ближе ко мне. Она помогала моей матери во всем, но ночевала всегда у себя. С какого-то момента я стал уходить вместе с ней. – Ланг тепло улыбнулся Оливии. – Как видишь, у меня была своя Нора.

– И тебе было так же тяжело без нее, как и мне?

– Да, потому что рядом с ней я не ощущал свою непохожесть. Бабушка не только научила меня говорить по-китайски, она открыла для меня свою родину.

– Она привезла тебя сюда?

– Не совсем, – улыбнулся Ланг. – Но она все так описывала, что мне не составляло труда представить себе Китай. Мы с ней часто бывали в лондонском китайском квартале, особенно в китайский Новый год. Впервые оказавшись там, я подумал, что оказался в раю – все эти разноцветные краски, мерцающие лампочки, музыка...

– Да, я помню, – с энтузиазмом отозвалась Оливия.

– Ты тоже там бывала?

– Только однажды. Моя мать была в гостях у друзей, которые жили неподалеку. Пару вечеров они показывали нам китайский квартал, но никто ничего не мог объяснить. Было очень много красного цвета, и как будто кто-то с кем-то собирался биться, но все так и осталось для меня загадкой.

– Скорее всего, речь идет о Ньяне, – просветил ее Ланг. – Это мифическое чудовище, похожее на льва, нападающее на людей, особенно на ребятишек. Чтобы обезопасить себя и детей, люди оставляют для него еду и горящие костры, так как он боится красного цвета и громких звуков. В результате мы имеем огни, фейерверки и людей, танцующих в обличье льва. Прекрасное зрелище.

– Ты абсолютно прав, – подхватила Оливия, с восторгом возвращаясь к детским воспоминаниям. – Это было нечто.

– Согласен, – кивнул Ланг. – Это один из тех праздников, которые я обожал. Моя мать просто выходила из себя, так как дата его проведения всегда менялась – то последние дни января, то середина февраля. Мама жаловалась, что в эти пятнадцать дней, пока он продолжается, я абсолютно ни на что не годен. Я обычно утешал ее так: «Не волнуйся, мама, в остальное время я тоже ни на что не годен». – Он хмыкнул. – Она считала мою шутку неудачной.

– Похоже, у тебя была замечательная бабушка, – искренне сказала Оливия.

– Так и есть. Она объяснила мне, что каждый год носит название какого-либо животного – овцы, быка, крысы, лошади... Услышав, что есть год Дракона, я тут же подумал, что хочу быть рожденным именно в этот год.

– Ну и как?

Лицо Ланга погрузнело. Он покачал головой:

– Увы, я родился... Только не смейся! В год Кролика.

– Я и не собиралась смеяться, – возразила Оливия, чувствуя, что уголки рта ползут вверх помимо ее воли. – Ведь в Китае кролик считается воплощением спокойствия, мягкости и трудолюбия.

– Не очень умный, ничем не примечательный трудоголик, – вздохнул Ланг.

– Наблюдательный, проницательный...

– Скучный.

Оливия улыбнулась:

– Ты не скучный, клянусь.

И это была правда. Ей было интересно с ним, хотя он и не сыпал шуточками, как Энди. Возможно, это произошло благодаря тому, что они нашли общую тему для беседы. Чего никогда не случалось с Энди.

– Спасибо на добром слове, – усмехнулся Ланг.

– У меня не сложилось впечатления, что родиться в год Кролика – такое уж большое несчастье.

– Ну а в какой год родилась ты? – Увидев ее виноватый взгляд, Ланг со стоном воскликнул: – О нет! Пожалуйста, не говори мне, что ты родилась...

– Боюсь, это так.

– В год Дракона, – с грустью констатировал он.

– Но ведь в этом нет моей вины, – с шутливым раскаянием произнесла Оливия.

– И ты конечно же знаешь, что это означает? – Ланг простонал. – Драконы – свободные, бесстрашные, прекрасные, сильные существа. Они не подчиняются условностям, отказываясь признавать какие бы то ни было правила и ограничения.

– Теоретически это вроде про меня, – призналась Оливия со смехом. – Но я никогда не ощущала себя такой. Что поделать? Не чувствую я себя свободным существом, парящим над миром.

– Вероятно, это оттого, что ты еще не узнала себя до конца, – предположил Ланг. – Тебе только предстоит найти то, что сделает тебя свободной и независимой. Или кого-нибудь, – добавил он.

Последние слова Ланг произнес совсем тихо. Оливия их не слышала, но прочитала по его губам. Это наполнило ее неожиданной тревогой и беспокойством. Между ними происходило нечто такое, чего Оливия поклялась больше не допускать.

Не лучше ли расстаться с ним прямо сейчас, пока дело не зашло слишком далеко? Вернуться к спокойной и размеренной жизни, к иллюзии безопасности? Все, что для этого нужно сделать, – подняться, поблагодарить за компанию, извиниться и уйти. Просто, не правда ли?

Но Оливия не сомневалась в том, что она так не поступит, даже если это самое благоразумное решение.

Глава 3

– Когда паришь в небесах, – тихо сказала она, – есть риск очень больно удариться, упав на землю.

– Да, падать приходится, не без этого, – мягко согласился Ланг. – Но не всегда.

– Может, и не всегда. Может, – повторила Оливия.

И все-таки их сближение происходит чересчур стремительно. Нужно вернуться к обсуждению не столь личных вопросов.

– А в какой год родилась твоя бабушка?

Ланг словно бы и не заметил, что Оливия сменила тему.

– Она тоже родилась в год Дракона. Наверное, отсюда ее смелость и страсть к приключениям. Она настолько увлекла меня рассказами о Китае, что в конце концов эта страна завладела всеми моими помыслами. Я мечтал увидеть свою историческую родину. Мы собирались приехать сюда вместе, бабушка постоянно говорила об этом, но здоровье ей уже не позволяло. Я получил диплом, и тут нам пришлось взглянуть правде в глаза. Ее болезнь была неизлечима. Незадолго до своей смерти бабушка сказала: «Я очень хочу поехать туда с тобой». Я обещал, что всегда буду помнить о ней.

– И ты помнишь?

Ланг невесело засмеялся:

– Как я могу забыть, если почти на каждом шагу встречаю то, о чем она рассказывала мне в детстве? Ее семья приняла меня с распростертыми объятиями.

– И ты легко нашел родственников? – Оливия была совершенно очарована его рассказом.

– Да, так как они поддерживали связь. Когда три года назад мой самолет приземлился в аэропорту Пекина, меня встречали тридцать человек. Они узнали меня с первого взгляда благодаря фотографиям, которые бабушка им посылала. Не все живут в Пекине, однако они приехали специально, чтобы познакомиться с внуком Мейуи.

– И то, что ты китаец всего на четверть, их не остановило?

– Думаю, они даже не задумываются об этом, – засмеялся Ланг. – Я просто член семьи, и только это имеет значение.

– Какая умница твоя бабушка, она и сына, и внука назвала китайским именем. Хотя Ланг – имя в Англии, а здесь фамилия ставится перед именем.

– Верно. У меня есть дяди. Их зовут Ланг Хаи и Ланг Джинг. Моего двоюродного деда зовут Ланг Тао, а кузена Ланг Даи.

В глазах Оливии вдруг вспыхнули озорные искорки.

– Скажи-ка, а у твоих сводных братьев есть дети?

Ланг, казалось, опешил:

– Трое, но я...

– И они называют тебя дядя Ланг?

– Да, но...

– А как называют тебя дети из семьи Ланг? Думаю, для них ты дядя Митч.

Ланг секунду смотрел на нее, а затем сделал вид, что отодвигается.

– Ты колдунья? – поинтересовался он. – Может, мне стоит тебя опасаться?

– По-моему, ты уже боишься, – поддразнила его Оливия.

– Немного. А если честно, то даже больше, чем немного. Как ты догадалась?

– Всего лишь дедукция, мой дорогой Ватсон. Ни о каком колдовстве речи быть не может.

Конечно же Оливия права, признал Ланг. Но ощущение чего-то необычного не проходило. «Настоящая леди-дракон», – с восхищением подумал он. Оливия способна очаровать и увлечь любого мужчину.

- Моя бабушка, – продолжил он, – сердцем всегда оставалась в Китае.
- Что подумали ее родственники и семья, узнав, что она покидает страну и выходит замуж за европейца?
- Они только приветствовали ее решение.
- Они верят в брак по любви?
- Более того, уже более двух тысяч лет они считают, что только любовь помогает преодолевать любые препятствия.
- Две тысячи? – потрясенно выдохнула Оливия. – Ты, случайно, не принадлежишь к какой-нибудь знатной китайской семье?
- Нет, моя семья самая обычная. На протяжении столетий Ланги обрабатывали землю и продавали продукты своего труда. Может быть, когда-то владели магазином. А так в основном были простыми трудягами.
- Ланг замолчал, дожидаясь, когда официант уберет пустые тарелки и поставит перед ними новые блюда. Это была жареная свинина в сое и вине. У Оливии рот сразу наполнился слюной.
- А также мы отличные повара, – многозначительно заметил он.
- Ты хочешь сказать?..
- Это блюдо приготовлено моим кузеном Ланг Чао, а официант, который нас обслуживал, – его брат, Ланг Вей. Позже девушка Вея, Сюин, споет для нас.
- Твои родственники владеют этим рестораном?
- А почему мы оказались здесь? Я не собирался приводить тебя сюда, так как был твердо уверен, что с нас не спустят глаз. Если ты присмотришься, то увидишь Вея, который украдкой поглядывает на нас. Но, увы, меня засекли на улице, так что выхода не оставалось.
- Кажется, мы служим развлечением, – со смехом заявила она. – Иначе Вей так не смеялся бы.
- Я его придушу, когда вернусь домой, – мрачно пообещал Ланг. – Вот почему я не хотел, чтобы они тебя видели. У них нет сомнений, что...
- Что ты привел сюда еще одну из своих многочисленных подружек, – с улыбкой закончила Оливия.
- Иногда я ужинаю здесь с женщинами, – признался он. – Но, как правило, ничего серьезного. Так, веселое времяпрепровождение. В противном случае я бы ни за что не привел сюда девушку. Или, по крайней мере, – он стиснул зубы, бросая свирепый взгляд в сторону не скрывающего своего любопытства Вея, – постарался бы не приводить.
- Все в порядке, – успокоила его Оливия и фыркнула. – Ты просто объяснишь, что Вей все неправильно понял. Нам нравится общество друг друга, поэтому мы решили продолжить общение за ужином, и ничего более.
- И ничего более, – эхом откликнулся Ланг.
- Кстати, ты собирался его придушить.
- Эта идея тоже неплоха.
- Предложи Вею заняться своими делами, – посоветовала Оливия.
- Ты не представляешь, что значит жить в семье подобной моей, – пожаловался он.
- Подожди-ка. Ты сказал «когда вернусь домой»? Ты живешь с родственниками? В одном доме?
- Иногда. У меня там есть своя комната. После тяжелого дня в клинике, если у меня совсем нет сил, я иду в свою маленькую квартирку. Если же мне хочется семейной обстановки – с суетой и шумом, – я прихожу в дом Лангов... Но в следующий раз я приглашу тебя в другое место, где мы сможем побыть наедине.
- Послушай...
- Все в порядке. – Ланг поднял руку, останавливая ее. – Я не собираюсь настаивать. Когда ты захочешь сходить со мной куда-нибудь – дай знать.

Брови Оливии взметнулись вверх. Ланг, вне всякого сомнения, был уверен, что ее согласие – лишь вопрос времени. Однако его улыбка обезоружила ее.

– Я не успел рассказать тебе о нашей древней традиции, – продолжил Ланг.

– Да, – сразу оживилась девушка. – Как случилось, что обычные труженики стали ценить чуть ли не возвышенную любовь? Для такой семьи брак должен был носить главным образом практический характер. Например, женитьба на девушке, отец которой владеет землей по соседству.

– В большинстве случаев брак действительно заключался с целью получения какой-либо выгоды. Но потомки Джайо и Реншу сочли, что это не обязательно должно быть именно так.

– Расскажи о них.

– Они жили во времена императора династии Цин, о которой, я уверен, ты слышала.

Оливия кивнула. Она изучала историю Китая. В прошлом эта страна была разделена на несколько царств. Цин Шихуан объединил Китай под своей властью, создав единое централизованное государство. Он был похоронен в уникальной гробнице, охраняемой терракотовой армией. Вместе с ним были похоронены наложницы, не родившие ему детей.

– Одной из таких наложниц была Джайо, – говорил Ланг. – Она не хотела умирать, потому что любила Реншу, молодого воина. Каким-то образом ему удалось ее спасти, и они бежали. Пять лет они скрывались, пока, наконец, не были пойманы и казнены. Но у них к тому времени уже родился сын. Заботу о его воспитании взял на себя брат Реншу. Состарившись, он показал племяннику оставленные Джайо и Реншу письма. Его родители утверждали, что их любовь стоила всех лишений. Они до сих пор хранятся в семье Ланг.

Вот тогда Ланги и начали верить в возвышенную любовь, которая преодолевает все на своем пути. Соседи считали их немного странными. В конце концов, о какой возвышенной любви может идти речь, если в жизни приходится решать массу насущных проблем? Однако Ланги не отступали. Именно вера в любовь заставила Мейуи покинуть Китай и последовать за Джоном Митчеллом в Англию. И она никогда не сожалела о принятом ею решении. Бабушка скучала по родине, но считала, что нет ничего важнее, чем быть рядом с человеком, которого любишь.

У Оливии возникло ощущение, что она уже слышала подобные слова. Затем она вспомнила: об этом же самом говорила Нора.

Оливия пила вино маленькими глоточками, переваривая услышанное. На первый взгляд это была романтическая сказка, и ничего более. Однако ее потрясло то, что для мужчины, сидящего напротив, эта история является не просто красивой легендой, а имеет какое-то скрытое значение.

– Чудесная история, хотя с невеселым концом, – наконец сказала Оливия. – Но было ли такое на самом деле или все же это вымысел?

– Почему бы нет? – со странной улыбкой заметил Ланг.

Оливия с трудом сдержалась, чтобы не выпалить: «Потому что сюжет годится для романа, но никак не для реальной жизни». Вместо этого она произнесла:

– Прошло две тысячи лет. История могла обрасти небылицами, а на самом деле все было просто и банально.

– Если мы верим во что-то, значит, так оно и будет или есть, – заявил Ланг. – А мы верим. Оливия хотела спросить, кто такие «мы», но не успела, потому что он добавил:

– Вся моя родня – тети, двоюродные бабушки, дяди, кузены, – все мы хотим верить. Поэтому для нас это правда.

– Слышать такое отрадно, – заметила Оливия, – но, может быть, это не соответствует реальности.

– Как же я мог забыть? – шутливо поддразнил ее Ланг. – Ты во всем видишь исключительно выгоду и подходишь к оценке чего бы то ни было с точки зрения здравого смысла.

- В пользу такого подхода говорит очень многое, – защищалась она.
- Особенно если ты учишь детишек, – кивнул Ланг.
- А разве для врача здравый смысл – помеха?
- Наоборот. Но иногда его значение чересчур преувеличивается.
- А иногда без него просто никак, – с кривой улыбкой возразила девушка. Она не сразу осознала, что сказала это вслух.
- И как часто он приходит тебе на помощь? – мягко поинтересовался он.
- Время от времени. Кстати, пока он меня ни разу не подводил.
- В том-то и дело, что пока, – бросил Ланг. – Ты не должна полностью полагаться на свой здравый смысл, так как рано или поздно он тебя подведет.
- Однако сердце подводит гораздо чаще, – пробормотала Оливия. – Не всем так везет, как Мейуи.
- Или Норе.
- Я не считаю ее счастливой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.